

Эпистола юбиляру

Куда нас с другом докатили
Литературные года:
От «Юности», где всплыл
Гладилин,
До «Ожидания Годо»...

Я вспоминаю, Анатолий,
Как легко был ты на подъем:
Не съез и пуда ржавой соли,
Ты напевал «Мадам, мадам!»

Ты вечно «к бабам» шел с ватагой,
Кричали бабы: «Караул!»,
И с этой шуткой, словно с флагом,
Прошел весь «бабий карнавал».

Однажды наш дуэт в пинг-понге
Побил ретивый комсомол.
На семинаре близ Паланги
Двух их аплетов искромсал.

Спустя сто лет в Луизиане,
Где по соседству Эльсинор,
Два эмигрантских партизана,
Твой друг Базиль и ты, синьор,

Клеветники и супостаты,
Сражались средь идейных жал;
Тут с возгласом «Привет, ребята!»
Посол советский пробежал.

Он был партнером по пинг-понгу
И флюгером идейных туч,
И ты сказал ему вдогонку:
«Советский замысел летуч!»

Себя с тобою вспоминаю.
Гудим ватагой в ЦеДеЭЛ,
И как всегда Михал Минаич
Корит мовистскую артель.

Мне нравятся твои герои:
Подгурский, юный байронит
С лукавым смыслом,
с дерзкой бровью
Бросает вызов району;

Твой Робеспьер спешит к засаде,
И грезит мрачный Шлиссельбург,
И тенью твой мятежный всадник
Летит среди любовных бурь.

Лети и ты, будь дерзко молод,
Четырежды счастливый дед,
И приглашай отменный голод
На свой полуночный обед.

Ночное празднество, дружисце,
Пушай пройдет под пенье арф,
Шампанского пролей на брыжжи,
И будь, как прежде, STAR AT HEART!

Аксенов Вася

Слева направо: Василий Аксенов, Евгений Попов, Анатолий Гладилин, Александр Кабаков

Хроника времен

СЕМИДЕСЯТЫЙ ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ПИСАТЕЛЯ
АНАТОЛИЯ ГЛАДИЛИНА СВЕЛ НА СТРАНИЦАХ «МН»
ЕГО КОЛЛЕГ И ДРУЗЕЙ. РЕДАКЦИЯ ПРИСОЕДИНЯЕТСЯ
К ПОЗДРАВЛЕНИЯМ

ДАТА

Александр КАБАКОВ

Некоторые писатели с первого сочинения входят в историю литературы. Это счастливицы, сумевшие сразу сделать небывалое в древнем занятии — в изображении приключений человеческой души, с одной попытки нашедшие интонацию, которая не звучала до них. Собственно, так и открываются миру таланты. Но бывают писатели, которым Создатель посылает, кроме таланта, еще и сказочную удачу — они мгновенно попадают в резонанс со временем, их голоса врезаются в шум эпохи, и сами становятся приметой эпохи. Таких сочинителей в России всегда было принято называть «властителями дум», хотя точнее было бы название «властители душ». Они не только и даже не столько описывают современную им жизнь, сколько формируют ее, дарят ей стиль, мечты и предрассудки. Они создают «шекспировские страсти», «лишнего человека», «потерянное поколение», «чеховских» и «трифоновских» интеллигентов, «звездных мальчиков» и другие мифы, становящиеся реальностью после их литературной фиксации, а не до нее.

Таким писателем стал полвека назад Анатолий Гладилин, современник и создатель шестидесятников и шестидесятничества, да и наш, к нашему счастью, современник.

Я помню, просто вижу сейчас тот пятидесятилетний давности номер журнала «Юность», в котором была опубликована его «Хроника времен Виктора Подгурского». Маленькая эта повесть, взалхб прочитанная мною, провинциальным мальчишкой, уже одержимым литературой, перевернула мои представления не только о том, что можно писать и публиковать в советском журнале, но и о том, как можно жить, чувствовать, вести себя, бродить под дождем, разговаривать с девушкой и друзьями, страдать и надеяться. Я до сих пор помню пейзаж этой повести — московскую осень, я за почти всю свою

жизнь, прошедшую с того времени, не забыл песенку ее героев. «Листья осыпаются в саду, по привычке к вам я забреду и, как

Бывают писатели, которым Создатель посылает, кроме таланта, еще и сказочную удачу

много лет назад, поведу вас в листопад, в тихо осыпающийся сад...» И маленькую фотографию автора, юного, чуть — о, зависть, зависть! — старше меня, красавца с волнистым чубом и сарка-

стически приподнятой бровью...

Если бы по какому-то несчастью он не написал с того времени уже больше ничего, дело все равно было бы сделано — он стал творцом легендарных шестидесятых, самого светлого времени в беспросветных советских временах. К счастью, он написал еще столько, что в какой-то момент заставил даже забыть свою «Хронику», и она, как и следовало, отправилась в историю — на бесконечные полки вечного литературного хранения и в еще более беспредельные хранилища истории страны. А мы уже зачитывались «Дымом в глаза» (между прочим, первой советской

А потом все кончилось, и он уехал.

Многие тогда уехали. И за малями — правда, выдающимися — исключениями, все словно в воду кануло, и даже круги не пошли по американо-европейской невозмутимой глади.

А Гладилин стал высокопрофессиональным радиожурналистом, и нам опять повезло — даже по тем временам, когда вообще радио «Свобода» и свобода означали для нас практически одно и то же, его голос нельзя было спутать ни с каким другим. И вскоре он снова стал первооткрывателем — от него мы узнали, что та жизнь вовсе не райская, как представлялось нам, что там действуют те же законы человеческого поведения, и негодяи всегда имеют фору перед приличными людьми. Гладилин написал «Меня убила скотина Пэлл», сочинение, которому было невозможно не поверить, а последующая жизнь и собственный опыт свободы и «Свободы» подтвердили, что поверили не зря. И еще одно прозрение — «Французская Советская Социалистическая Республика», в самом названии которой был откровенный нам вскоре огромный смысл, и еще — «Большой беговой день»... Писатель Гладилин, как оказалось, никуда не уезжал, он остался с нами, просто поселился в Париже.

Анатолию Гладилину исполняется семьдесят лет. Мне повезло — в последние годы мы дружим, я одним из первых прочитал его новый блистательный роман «Тень всадника» и совсем новые великолепные рассказы. Время от времени мы встречаемся на разных территориях, перезваниваемся, и я счастлив, что теперь знаю не только легендарного писателя Гладилина, которым бредил в отрочестве, но чудесного, добрейшего и участливого Толю.

И все же иногда оторопь берет — да тот ли это Гладилин?! Тот ли самый? Звонишь, а на том конце провода легенда, вместе с которой нам посчастливилось жить и выжить.

Дай тебе Бог, Анатолий Тихонович, дай тебе Бог...

Патриарх всея мовистов

ЛЕПТА

Евгений ПОПОВ

Я визуально познакомился с легендарным Анатолием Тихоновичем Гладилиным только в начале конца перестройки, в те самые странные годы, когда отдельные граждане нашей обильной Державы вдруг страшно возмечтали о прекрасном новом мире без коммуняк, забыв, что Царство Божие, строго говоря, расположено или внутри нас, или вне вечногo пространства.

Анатолий Тихонович, который прошел огонь (Союз советских писателей им. т. Маркова, Верченко и Кузнецова), воду (статус внут-

ренного эмигранта, публикующегося «за бугром») и медные трубы (долгая жизнь во Французской Социалистической Республике), на все эти процессы политической реинкарнации смотрел легко, весело, с небольшим прищуром умудренного этапами большого писательского пути патриарха всея мовистов российской словесности.

Титул этот он получил, как известно, от В. П. Катаева, который знал, что говорит. Не след забывать, что именно с юного Гладилина, его повести «Хроника времен Виктора Подгурского», опубликованной аж в 1956 году, берет отсчет новая проза современной России. С точки зрения тогдашнего официоза, повесть была написана плохо, неряшливо, ерничес-

ки, являлась оскорбительным мальчишеским вызовом параноидальному бреду тогдашних властителей советских дум про какие-то красные колхозы, Саянские хребты, семью Рубанок и коммунизм, который уж не за горами.

Гладилин разбудил многих пишущих российских молодых людей, желающих жить не в «совке», а в нормальной европейской стране. Очевидно, это и имел в виду мэтр Катаев, умудренный опытом собственного скорбного существования в мертвом идеологическом пространстве, где не вздохнуть, не выдохнуть без разрешения начальства, где все вянет, пропадает, гниет на корню. А счастья все же хочется, потому что оно вообще есть.